

Ахенский договор между Францией и Германией и евро-интеграция

Подписание Ф.Макроном и А.Меркель 22 января 2019 года в Ахене, бывшей «зимней столице» империи Карла Великого, нового межгосударственного договора между Францией и Германией было представлено ими как историческое событие. Некоторые СМИ в обеих странах назвали его «новым Елисейским договором», по аналогии с соглашением, заключенным Ш. де Голлем и К.Аденауэром 22 января 1963 года в Елисейском дворце в Париже. В действительности, в соответствии со ст. 27 ахенского акта, последний лишь «дополняет» Елисейский договор. Тем не менее, в нем нашла свое отражение эволюция отношений двух стран, которая, с учетом их роли в ЕС, оказывала и оказывает значительное, если не решающее влияние на процесс евро-интеграции. Прежде чем попытаться оценить под этим углом зрения значение нового договора, представляется целесообразным напомнить, как развивались эти отношения.

Договор 1963 года зафиксировал, прежде всего, «историческое примирение» двух стран, что было подчеркнуто в совместной декларации к нему, подписанной обоими руководителями.^[1] Ш. де Голль, движимый идеей «величия Франции», после неудачи его инициативы по формированию внутри НАТО «триумvirата» в составе США, Франции и Великобритании рассчитывал создать в результате этого примирения франко-германскую «связку», в которой его страна играла бы лидирующую роль. «Связка» должна была помочь создать «европейскую Европу», то есть придать тогдашнему ЕЭС большую независимость от США. При этом ЕЭС должен был оставаться всего лишь «союзом государств».^[2] Но, как известно, этим планам не суждено было осуществиться. Бундестаг ФРГ при ратификации договора в одностороннем порядке сопроводил его преамбулой, в которой подтверждалась приверженность страны «коллективной обороне» в рамках НАТО, углублению интеграционных процессов в ЕЭС вплоть до создания наднациональных институтов, а также «ассоциации Европы с США».^[3] Преамбула фактически выхолащивала суть договора, как ее видел Ш. де Голль. Стоит отметить, что в выработке ее участвовал француз — Ж.Монне, один из идеологов «наднациональной Европы», ориентированной на тесный союз с США. Он воплощал собой евро-атлантическую тенденцию, постепенно набиравшую силу во Франции.

Несмотря на отмеченный демарш ФРГ, договор, несомненно, способствовал сближению двух стран. Правильнее было бы сказать, что в дальнейшем между ними складывались отношения, которые можно охарактеризовать как сложную диалектику сотрудничества и соперничества. Руководители Франции, перед лицом все большего экономического превосходства ФРГ, пытались претендовать на лидерство в «связке», опираясь на свои военно-политические и геополитические преимущества, в частности, ядерное оружие, статус постоянного члена СБ ООН, заморские территории, сильные позиции в бывших колониях, в частности, в Африке. ФРГ долго закрывала на это глаза тем более, что, в отличие от французского партнера, она позиционировала себя не как «державу», а как «торговую» и «гражданскую нацию», придерживавшуюся в международной политике «культуры сдержанности». Однако ее вес в «связке» не переставал возрастать.

Указанная диалектика ярко проявлялась в процессе евро-интеграции. Со времени правления В. Жискара д'Эстена (1974-1981 годы) Франция и ФРГ взяли на себя роль ее «мотора», но при этом видели ее конечные цели по-разному. Хотя Франция постепенно отходила от линии де Голля, она все же стремилась придать ЕЭС, ставшему в 1993 году ЕС, больше самостоятельности по отношению к США. Среди институтов ЕС она стремилась укреплять Европейский Совет, в котором заседают главы государств и правительств или министры. Иначе говоря, Франция выдвигала на первый план орган межгосударственного сотрудничества. Следует напомнить, что Евро-совет и создан был в 1974 году по предложению Франции, сначала как структура для неформальных встреч, а в 1992 году по ее настоянию он получил официальный статус (в рамках Маастрихтского договора). ФРГ, напротив, тяготела к сохранению трансатлантической «связки» с США и к утверждению в ЕС федеративной модели по собственному образцу и подобию, предполагавшей укрепление роли Европейской Комиссии и Европейского Парламента.

Тем не менее, обе страны сближались, что выразилось, в частности, в создании в 1988 году совместных структур — Экономического совета, Совета по вопросам обороны и безопасности и Высшего совета по культуре. В 1989 году была сформирована франко-германская бригада со штабом в Страсбурге. Однако в 1990 году это сближение подверглось серьезному испытанию в связи с объединением ФРГ и ГДР, окончательно поменявшее соотношение сил в «паре» в пользу германского партнера. Французская дипломатия, как известно, втайне пыталась помешать с помощью СССР объединению, но, потерпев неудачу, вынуждена была удовлетвориться согласием ФРГ на введение единой европейской валюты. По мысли тогдашнего президента Франции Ф. Миттерана (1981-1995 годы), евро должен был устранить доминирование в ЕЭС-ЕС германской марки, по всем параметрам превосходившей французский франк.[\[4\]](#)

В целом, во франко-германской «паре» Франция медленно, но верно превращалась из видимого «лидера» в «ведомого». ФРГ между тем, как бы против своего желания, становилась «державой». Конечно, официально ее руководящие круги это не признавали и даже отрицали. Но первый «звоночек» на сей счет с ее стороны прозвучал в декабре 1991 года, когда, не координируясь с западными партнерами, Берлин признал независимость Хорватии и Словении, что, по общему мнению, неизбежно вело к военному конфликту в Югославии. Ф. Миттеран был шокирован этим решением, поскольку он вел линию на урегулирование югославской проблемы путем переговоров, но пойти на лобовое противостояние с Германией он уже не мог. К тому же, франко-германский «мотор» позволил Парижу добиться включения в Маастрихтский договор 1992 года положения о совместной внешней политике и политике безопасности ЕС (PESC).[\[5\]](#) В том же году франко-германская бригада был преобразована в Евро-корпус, который в принципе мог бы стать важным элементом автономной европейской обороны, о которой мечтала часть французских элит.

Президент Ж.Ширак (1995-2007 годы), несмотря на свои голлистские установки, также был вынужден углублять сотрудничество с ФРГ большей частью на условиях германского партнера, тем более, что он придавал приоритетное значение совместной работе по введению единой европейской валюты. Он добился образования в 1998 году неформального Совета евро, который, по его расчетам, должен был несколько уравновесить преобладающий вес Германии в зоне новой валюты. Как известно, евро начал функционировать в безналичных расчетах в 1999

году, а в обращении наличности — в 2002-м. Также в 1998 году, благодаря, прежде всего, настойчивости Франции, в рамках PESC была учреждена Политика в области безопасности и обороны (PESD), подтвердившая ее линию на придание ЕС большей самостоятельности во внешних делах. В 2003 году Франция и Германия вместе с Россией выступили против американского вторжения в Ирак, причем во франко-германской «паре» инициатива в этом вопросе принадлежала Парижу. Однако, неудача референдума во Франции по проекту европейской конституции в 2005 году ослабила его позиции перед лицом германского партнера и в рамках ЕС.

Все более очевидное превращение Германии в гегемона ЕС вызвало во Франции разногласия и раскол среди элит по вопросу о том, как на это реагировать. С одной стороны, сторонники «державности» и сохранения суверенитета требовали ослабить зависимость страны и от ФРГ, и от ЕС, указывая, например, что введение единой европейской валюты стало выгодным, прежде всего, германскому партнеру, обеспечив ему еще более высокие темпы наращивания экономической мощи.^[6] С другой стороны, усиливавшееся евро-атлантическое течение считало необходимым продолжать сближение, углублять евро-интеграцию, но при этом укреплять связи с США, а внутри страны осуществлять экономические и социальные реформы по образцу тех, которые провел в ФРГ в начале 2000-х годов канцлер Г.Шредер (1998-2005 годы). Речь шла в первую очередь о либерализации рынка труда, предоставлении большей свободы действий предпринимателям, устроении порядка выплаты различных социальных пособий и т.п.

Приход к власти в ФРГ А.Меркель в 2005 году, которая подвергла критике своего предшественника за «негибкость» в отношении вторжения США в Ирак и предприняла усилия с целью укрепить трансатлантическую «связку», способствовал активизации данного течения.

Сползание к евро-атлантизму во внешней политике Франции с теми или иными отличиями имело место уже при В.Жискара д'Эстене, Ф.Миттеране и Ж.Шираке. Но наиболее очевидным оно стало при Н.Саркози (2007-2012 годы) и Ф.Олланде (2012-2017 годы). Н.Саркози в 2004 году добился создания в ЕС Европейского агентства по вопросам обороны, которое должно было заниматься кооперацией в сфере вооружений. В 2007 году французский парламент одобрил Лиссабонский договор, содержащий основные положения проваленного на референдуме 2005 года проекта европейской конституции. Это позволило открыть путь к учреждению Постоянного структурированного сотрудничества в области обороны (PESCO), предусмотренного данным договором.

Вместе с тем, Н.Саркози извинился перед США за позицию Ж.Ширака в отношении американского вторжения в Ирак, а в 2009 году возвратил Францию в объединенное командование НАТО (кроме Группы ядерного планирования), которое она покинула в 1966 году по решению Ш. де Голля. По словам Н.Саркози, это, помимо прочего, позволяло укрепить франко-германскую дружбу и облегчало продвижение к европейской обороне. В этой связи стоит процитировать следующее его высказывание: «Если мы будем представлять такую оборону как альтернативу союзу с Соединенными Штатами, можно быть уверенным, что тем самым мы ее убьем. Но если мы увидим в ней дополнение к этому союзу, мы ее продвинем».^[7]

Следует, однако, отметить, что надежды Н.Саркози, связанные с укреплением франко-германской «пары», оказались преувеличенными, прежде всего из-за расхождений в ряде

внешнеполитических приоритетов. А. Меркель не проявила интереса к созданию Средиземноморского союза, за который ратовал французский президент. Ее больше привлекала Восточная Европа, где Германия под предлогом «проецирования стабильности» на бывшие социалистические страны не переставала усиливать свое влияние. Канцлерин не поддержала интервенцию Франции и Великобритании в Ливии в 2011 году. Она проявляла осторожность в отношении инициатив Франции, касающихся европейской обороны, с одной стороны, из-за приверженности трансатлантической «связке», с другой — из-за опасений, что платить за нее придется в основном Германии.

Ф.Олланд не просто продолжил евро-атлантическую линию, но усилил ее. Его равнение на США выразилось, в частности, в поддержке санкций против России в связи с присоединением Крыма и конфликтом в Донбассе. Отмена поставки российскому ВМФ построенных на верфи в г. Сен-Назер боевых кораблей «Мистраль» явилась ярким тому примером. Вместе с тем, Ф.Олланд, как и Н.Саркози, стремился усилить роль франко-германского «мотора» в ЕС. Стоит отметить, что во время их предвыборных дебатов в мае 2012 года они упомянули Германию 25 раз, намного больше, чем любую другую страну. Если Н. Саркози указывал на более высокую конкурентоспособность германской экономики, связывая это с либеральными реформами Г.Шредера, то Ф.Олланд ставил акцент на более конструктивные отношения между социальными партнерами, то есть между объединениями работодателей и профсоюзами.[\[8\]](#) Ирония судьбы заключалась в том, что после своего избрания именно Ф.Олланд попытался либерализовать рынок труда по примеру Германии (речь идет, прежде всего, о «законе Комри», по имени министра труда, занятости и профессионального образования М. Эль Комри[\[9\]](#)).

Однако, что касается франко-германской «пары», то ее дальнейшее сближение по-прежнему тормозилось германским партнером по причинам, указанным выше. Кроме того, ФРГ все больше ощущала свое экономическое превосходство над Францией, а ее элиты, как отмечает франко-эльзасский эксперт П-Э.Томанн, раздражала «чрезмерная политическая амбициозность» Парижа.[\[10\]](#) ФРГ все очевиднее сознавала свое положение гегемона ЕС и уже не стеснялась показывать это, как произошло после фактического банкротства Греции в 2010 году, вызвавшего кризис евро. Жесткая позиция Берлина, обрекшего эту страну на долговую кабалу, противоречила настрою Франции и других государств Средиземноморья, но ФРГ проигнорировала их возражения. А.Меркель сочла необходимым сотрудничать с Ф.Олландом в попытках урегулирования конфликта в Донбассе (образование в 2015 году «нормандской четверки», подписание минских соглашений), но в 2016 году она фактически в одностороннем порядке заключила соглашение с президентом Турции Р. Эрдоганом с целью сдержать наплыв беженцев с территории этой страны. ЕС оставалось только формально согласиться с ним. Франции, по существу, тоже пришлось сделать хорошую мину при плохой игре.

В конце правления Ф. Олланда ситуация несколько изменилась в пользу французского партнера. «Брекзит», потрясший ЕС, миграционный кризис, ударивший по позициям А. Меркель внутри собственной страны, разногласия внутри ЕС по поводу миграционной политики, а вовне — избрание президентом США Д. Трампа с его лозунгом «Америка прежде всего» побудили ее более внимательно отнестись к французской концепции европейской интеграции. В результате в марте 2017 года лидеры Франции, ФРГ, Италии и Испании на саммите в Версале выступили с инициативой приоритетного продвижения ее в рамках зоны

евро (19 государств из 28). Как писала французская газета «Нувель Репюблик», франко-германская «пара» сделал выбор в «пользу двухскоростной Европы», идею которой выдвигал еще Н. Саркози в 2011 году.^[11] Инициатива предусматривала также активизацию продвижения европейской обороны. Однако, по ряду причин, в том числе в связи с президентскими выборами во Франции в мае 2017 года, каких-либо практических шагов на избранном пути не последовало. Стоит напомнить, что на тех выборах большинство кандидатов выступали за ослабление зависимости Франции от США, НАТО и ЕС, а вышедшая во второй тур лидер тогдашнего Национального фронта М. Ле Пен обещала вернуться к национальной валюте, то есть к франку. Критике подвергалась и «подчиненная» роль Франции в отношениях с Германией. Электорат разделился по этим вопросам почти поровну (кроме отказа от евро, который большинство французов не поддержали).

Но избранный президентом Э.Макрон, напротив, не скрывал своих «европеистских» убеждений, а также восхищения германской экономической и социальной моделью. В своей книге «Революция», вышедшей в конце 2016 года, он связывал промышленное отставание Франции от зарейнского соседа, прежде всего, чрезмерной регламентированностью ее экономики, а также «больным» рынком труда.^[12] В ходе избирательной кампании он неоднократно говорил о необходимости реформ, которые, помимо внутренней модернизации, должны были сблизить ее с германским партнером и тем самым способствовать сопряжению их усилий по углублению европейской интеграции.

В сентябре 2017 года Э.Макрон в своем выступлении в Сорбонском университете изложил развернутую программу перемен в ЕС, получившую резонанс как внутри объединения, так и за его пределами. Автор этих строк уже имел возможность достаточно детально рассмотреть ее в других своих публикациях.^[13] В этой статье представляется целесообразным лишь упомянуть, что в доктринальном плане Э.Макрон ратовал в ней за перенос «державности» и суверенитета от национальных государств на уровень ЕС, который должен превратиться в мировой «центр силы», способный на равных соперничать с Китаем, Индией, Россией и США. На данном этапе вести ЕС в этом направлении должны государства, объединенной единой европейской валютой. Отсюда такие предложения Э. Макрона как формирование общего бюджета зоны евро, учреждение в нем поста министров финансов (прообраз экономического правительства) и Европейского валютного фонда, отдельного парламента. Но и в «полном» ЕС следует назначать членов Еврокомиссии и избирать депутатов Европарламента на транснациональной основе. В сфере безопасности и обороны стоит отметить идеи образования Совета безопасности ЕС, нового органа по защите границ ЕС с более широкими полномочиями, чем нынешний ФРОНТЕКС, а также Общих сил вмешательства и Академии разведки ЕС. Одновременно президент выразил решительную поддержку инициативе Еврокомиссии (выдвинутой при активной роли Франции) по учреждению Фонда европейской обороны, который финансировал бы кооперацию в сфере вооружений. Все это фактически открывало перспективу превращения ЕС в федеральное государство.

Не менее радикальные инициативы Э.Макрон выдвинул и в отношении дальнейшего сближения Франции с ФРГ. Он, в частности, предложил подписать «новый Елисейский договор» уже в 2018 году, а в экономической сфере — образовать к 2024 году единый рынок двух стран с одинаковыми правилами и стандартами.

Внутри Франции Э.Макрон начал существенно преобразовывать рынок труда, сферу образования, налоговое законодательство, пенсионную систему и в целом систему пенсионного обеспечения — с теми или иными отличиями по образцу ФРГ. При этом он, однако, не учел, что эти реформы не просто затрагивали в глазах французов их социальные завоевания, которыми они всегда дорожили. Изменения, считали они, также обостряли накопившиеся за долгие годы такие проблемы как рост социального неравенства, обеднение значительной части среднего класса, общее понижение покупательной способности населения. Массовые протесты, начавшиеся еще в конце 2017 года, но особенно появление в ноябре 2018 года радикального движения «желтых жилетов» вынудили президента пойти на уступки, которые осложнили осуществление реформ.

В то же время, реформаторские усилия Э. Макрона были оценены в ФРГ. Его инициативы по углублению европейской интеграции также попадали на все более благоприятную почву. Хотя позиции А. Меркель после выборов в ФРГ в сентябре 2017 года и затяжного правительственного кризиса ослабели, она смогла оказать поддержку большинству из них. Явная односторонность политики Д. Трампа, его критика в адрес НАТО и ЕС, выход США из ядерной сделки с Ираном 2015 года и Парижского соглашения по климату 2016 года, а также из переговоров по проекту Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), который канцлерин продвигала в ЕС, побуждали ее придавать больше значения самостоятельности ЕС. В любом случае, с учетом преобладающего в нем веса ФРГ, это усиливало международные позиции ее страны.

Скоординированные действия франко-германской «пары» содействовали тому, что, например, в феврале 2018 года Еврокомиссия приняла решение о преобразовании в 2019 году существующего Европейского механизма стабильности в Европейский валютный фонд. В июне 2018 года Э.Макрон и А.Меркель выступили в германском городе Мезеберге с декларацией, поддерживающей создание в 2021 году общего бюджета зоны евро, в соответствии с «дорожной картой», которую они обязались выработать. В декларации поддерживались также идеи организации выборов в Европарламент в 2024 году на транснациональной основе и уменьшения числа членов Комиссии, то есть, отмена принципа «один комиссар от одной страны».[\[14\]](#)

Некоторый прогресс наметился также в продвижении идеи европейской обороны. В ноябре 2017 года 23 государства ЕС присоединились к Постоянному структурированному сотрудничеству по вопросам обороны (PESCO), тем самым открыв для него определенную практическую перспективу. В июне 2018 года Франция, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Люксембург, Нидерланды, Эстония и Португалия подписали соглашение о создании в Париже небольшой штабной структуры «европейской инициативы вмешательства». Являясь открытой и для государств, не входящих в ЕС, она, тем не менее, по мысли Э.Макрона должна стать «эмбрионом» будущих Общих сил вмешательства объединения.[\[15\]](#) В июле 2018 года Европарламент одобрил учреждение в 2019 году Фонда европейской обороны с прогнозируемым бюджетом в 13 млрд евро.[\[16\]](#) Все это вселило в Э.Макрона такой оптимизм, что 6 ноября 2018 года, накануне празднования в Париже 100-летия окончания Первой мировой войны, он выступил с заявлением о необходимости формирования европейской армии, которая защищала бы ЕС от Китая, России и даже США. (Д.Трамп, как известно, назвал это заявление «очень оскорбительным». Впрочем, администрация президента Франции уже 9

ноября уточнила, что в вопросе о Соединенных Штатах «произошла путаница» и что Э. Макрона «неправильно поняли»).[17]

Ахенский договор от 22 января 2019 года должен был в этом контексте продемонстрировать общую волю Франции и Германии укреплять их отношения и одновременно углублять отмеченные процессы в ЕС. Однако, многие французские эксперты не замедлили отметить, что, хотя договор предусматривает дальнейшее сближение и координацию действий в самых разных областях – от внешней политики, дипломатии, обороны, экономической сферы, трансграничного сотрудничества до культуры и образования — большинство его положений носят декларативный характер. Ст.24, например, устанавливает, что «оба государства будут углублять интеграцию их экономик с тем, чтобы образовать франко-германскую экономическую зону с едиными правилами».[18] Но никаких конкретных дат не указано. То же самое можно сказать о заявленном в других статьях учреждении ряда инструментов сотрудничества, в частности, Экспертного экономического совета, Комитета трансграничного сотрудничества, Фонда содействия гражданственности или «франко-германской образовательной и научно-исследовательской сети». Конкретика в основном касается организационных аспектов, в частности, совместных заседаний двух правительств (один раз в год) или участия одного из министров каждой стороны в заседаниях национальных правительств (один раз в три месяца) (ст. 23 и 24).

В довольно общей форме сформулированы и положения о содействии европейской интеграции, хотя они и вынесены в договоре на первое место. В ст.1, к примеру, говорится: «Оба государства «будут действовать в поддержку совместной, эффективной и сильной внешней политики и политики в области безопасности ЕС, а также будут углублять Экономический и валютный союз. Они приложат усилия для успешного завершения формирования Единого рынка ЕС». Подобные формулировки содержатся во многих предыдущих двусторонних заявлениях и документах ЕС. Стоит, однако, отметить ст. 4, где со ссылкой на ст.5 Североатлантического договора 1949 года, ст.42 Маастрихтского договора 1992 года, модифицированную Лиссабонским договором 2007 года, обе стороны берут на себя обязательство оказать друг другу помощь, в том числе вооруженными силами, в случае вооруженного нападения на их территорию. В то же время, «усиление способности Европы к автономным действиям в сфере обороны» (термин «европейская оборона» не использован), о котором говорится в ст. 3, в основном сводится к развитию кооперации в области вооружений. «Европейская армия», соответственно, не упоминается даже в виде пожелания.

В целом, договор в ряде аспектов явно уступает в содержательной части Мезебергской декларации Э.Макрона и А.Меркель. Похоже, после продвижения отмеченных выше евроинтеграционных инициатив, канцлерин, возглавляющая «большую» и хрупкую правительственную коалицию ХДС/ХСС с СДПГ, решила взять паузу. Ее позиции в стране остаются слабыми (как известно, она уже заявила, что не будет выставлять свою кандидатуру на парламентских выборах 2021 года). Германские элиты, видимо, пока не готовы идти дальше, особенно в отношении европейской обороны, развитие которой упирается в существование НАТО. Кроме того, Германия, экспортная держава, слишком зависит от американского рынка.

Разочарование Э. Макрона, видимо, явилось одной из причин неожиданного «инцидента» в отношениях двух стран, когда в феврале 2019 года Франция внезапно поддержала проект

директивы Еврокомиссии, фактически блокировавшей строительство газопровода «Северный поток-2», хотя А.Меркель лично ангажировалась в этот стратегический проект. К счастью для ФРГ (и для России) в последний момент стороны нашли компромиссный вариант директивы, позволивший продолжить его реализацию. В то же время, Франция и Германия не смогли предотвратить удар Еврокомиссии по ним обоим. Имеется в виду ее запрет на слияние французской компании «Альстом» с германским концерном «Сименс», которое должно было привести к появлению нового мирового гиганта в области транспортного машиностроения.

Следует также учитывать, что даже близкие Германии скандинавские государства ЕС или Нидерланды без восторга воспринимают франко-германский «мотор» ЕС, а Австрия, Италия и восточно-европейские члены относятся к нему с большой настороженностью. Такие страны как Польша, Чехия, Венгрия, не входящие в зону евро, попросту враждебны продвижению «двухскоростной Европы». Они не забыли также критику с со стороны Э. Макрона из-за их отказа принять у себя мигрантов по квотам ЕС: «Европа не супермаркет, а общая судьба».[19] «Вышеградская группа» (Венгрия, Польша Чехия, Словакия) и прибалтийские государства, ориентирующиеся больше на Вашингтон и НАТО, а не на Брюссель, не скрывают своего неприятия идеи европейской армии.[20]

В этой связи стоит упомянуть, что, несмотря на создание Фонда европейской обороны, который должен продвигать европейские вооружения, ряд стран ЕС по-прежнему предпочитают покупать американское оружие. Если приобретение Польшей в 2018 году американских вертолетов «Блэк Хок» вместо французских вертолетов «Каракаль» никого особенно не удивило, то заказ Бельгией в том же году 35 американских истребителей F-35 вместо европейских самолетов вызвал гневные комментарии во французской прессе.[21]

Из всего этого вытекает, что ахенский договор вряд ли может считаться решающим этапом в углублении европейской интеграции. Многое будет зависеть от того, является ли отмеченный сбой в работе франко-германского «мотора» следствием временных тактических разногласий или «пара» достигла пределов своего сближения.

Владимир ЧЕРНЕГА

[1] www.assemblee-nationale.fr/dossiers/trate-franco-allemand.pdf

[2] Peyrefitte A. C'était de Gaulle. Paris, Editions de Fallois-Fayard, 1997, p.219

[3] www.assemblee-nationale.fr/14/evenements.50-ans-traite-elysee/Elysee-preabule.pdf

[4] Thomann P-E. Le couple franco-allemand et le projet européen. Paris, L'Hartmann, 2015, p.103

[5] Buchet de Neuilly Y. La politique étrangère et de sécurité commune : dynamique d'un système d'action//Revue des sciences sociales du politique, Année,1999 (46), p.127-146

[6] Delaume C. Le couple franco-allemand n'existe pas. Comment l'Europe est devenue allemande et pourquoi ça ne durera pas. Paris, Michalon Editeur, 2018, p.149

[7] Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur le retour de la France dans le commandement intégré de l'OTAN et la Défense européen, à Paris le 11 mars 2009 // <http://discours.vie-publique.fr/notices/097000766.html>, p.8

- [8] <http://presidentiele2012.ouest-france.fr/actualite/le-verbatime-du-duel-entre-hollande-et-sarkozy-03-05-2012-1500>,
- [9] Bain M. Loi Travail :sept mesures entrées en vigueur au 1e janvier//L'Express§ ' janvier 2017, p.15
- [10] Thoamn P-E. Le coule franco-allemand et le projet européen, p. 455
- [11] L'Europe à deux vitesses pourrait devenir une réalité// La Nouvelle République, 11.03.2017, p.3
- [12] Macron E. Révolution. Paris, 2016, XO Editions, p.83, 120 !
- [13] См. например: Владимир Чернега. Евросоюз после выборов во Франции и Германии//Вся Европа, №9 (123) 2017
- [14] Déclaration de Meseberg. Renouveler les promesses de l'Europe en matière de sécurité et de prospérité // <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/06/19/declaration-de-meseberg-renouveler-les-promesses-de-l-europe-en-matiere-de-securite-et-de-prosperte>
- [15] <https://francais.rt.com/international/51941-initiative-europeenne-dintervention-quell-est-enieme-structure-militaire-supranationale>
- [16] Air&Cosmos, 4 juillet 2018, p.1
- [17] Trump, Macron et l'armée européenne : une passe d'armes en quatre actes // Journal de Dimanche, 10.11.2018.p.1
- [18] Le texte du traité franco-allemand d'Aix La Chapelle signé le 22 janvier 2018. En français ou en allemand // <https://www.bruxelles2.eu/2019/01/18/le-texte-du-traite-franco-allemand-daix-la-hapelle-signé-le-22-janvier-2019/>
- [19] Lasserre I. Emmanuel Macron au Figaro : L'Europe n'est pas un supermarché» // Le Figaro, 21.06.2017, p.3
- [20] См. например: Nacz Dziennik, 12.11.2018 ; Echo24, 14.09.2018
- [21] Achat d'avions F-35 américains par la Belgique ; un camouflet pour la défense européenne // Le Monde, 26.10.2018